

Олег Табаков: я не понимаю, что значит академический

Художественный театр меняет название

камерсань 6-го янв - 1 серия - с 19.
проекты театр

Завтра открывает новый сезон Московский художественный театр имени Чехова. Первая неожиданность — еще до всех многочисленных запланированных премьер: театр в Камергерском переулке поменял название. Теперь он не МХАТ имени Чехова, а МХТ, каковым и был до революции. С этого вопроса началось интервью, которое художественный руководитель театра **ОЛЕГ ТАБАКОВ** дал обозревателю „Ъ“ **РОМАНУ ДОЛЖАНСКОМУ**.

— Судя по афишам и репертуарным книжкам, в привычной аббревиатуре театра исчезла буква «А», а в его названии — слово «академический».

— Идея очень простая. Мне кажется, это порождение социалистических времен, слово «академический» устанавливало некую иерархию театров. Отцы-основатели не предполагали создавать академию, уж за это я голову на отсечение дам. А по смыслу я и не понимаю, что значит академический театр. В смысле — мертвый? В смысле — неприкасаемый?

— Когда давали эти звания после революции, они были чем-то вроде охранной грамоты для старорежимных театров.

— Конечно. Как и звания народных артистов. В конечном итоге почетные звания для моих коллег с периферии являются охранными грамотами. Я когда

ГАБЕЛ СМЕРТИН

театральных деятелей, выполнил на пленуме на трибуну и звонко предложил отменить звания. Ответом мне была минутная пауза непонимания. Я не ханжа, и если эти атрибуты кому-то помогают, то и ладно. Но этому театру они ни к чему.

— **Переименование официально уже оформлено? Есть же Регистрационная палата, всякие реестры официальные...**

— Пока нет. Началось с того, что мы с Давидом Боровским, который на общественных началах выполняет обязанности главного художника театра, обсуждали дизайн новых афиш. Старые, те самые старые афиши тоже смотрели. И я думаю:

ше, это же красиво! Так и решили, пока что на уровне дизайна, графики, рекламы.

— **Имени Чехова при отцах-основателях ведь тоже не было. У вас нету планов...**

— Есть! Вототремонтируем могилу Чехова, тогда можно и этим заняться. В конечном счете все зависит от спектаклей, которые мы будем выпускать, а не от того, что написано.

— **А какие спектакли будете выпускать?**

— Уже в сентябре Кирилл Серебренников выпустит спектакль «Изображая жертву» по пьесе братьев Пресняковых. Он же будет репетировать «Лес» с Натальей Теняковой в главной роли и «Господ Головлевых» с Евгением

ноябре будет премьера «Тартюфа» в постановке Нины Чусовой. Сергей Женовач будет репетировать свою версию «Братьев Карамазовых». Дмитрий Черняков должен в январе выпустить «Синюю птицу» Метерлинка. Еще до этого выйдет «Король Лир» в постановке знаменитого японского мастера Тадаси Судзуки. Елена Неvejeина будет ставить пьесу Стоппарда «Художники». И это еще не все. Потому что самая главная задача — не производство спектаклей, а формирование труппы.

— **Вы говорили то же самое еще четыре года назад, когда принимали театр.**

— Немирович-Данченко в письме к Станиславскому только лет через 12 после основания театра написал: «Кажется, наши усилия имеют успех». Это очень долгий процесс — формирование труппы. Пожарные, спасательные, первоочередные ремонтные работы проведены. Сейчас пришла пора рутины.

— **У вас есть на примете актеры, которых вы еще только собираетесь переманить в Художественный театр?**

— Есть. Но я не переманиваю людей и не перекупаю их, а заинтересовываю работой, новыми задачами и возможностями. Имен называть пока не стоит. Скажу только, что с нового сезона актеры труппы Художественного театра станут Алла Покровская и Авангард Леонтьев.

— **Вы собрали под крышей театра лучшие силы молодой режиссуры. Большинство из этих режиссеров зая-**

современных пьес, а вы все-таки тянете их на классические названия. Поэтому, кстати, от прошлого сезона осталось ощущение некоей разочарованности в новой драматургии. Вы не рано возвращаете их к хрестоматийным пьесам?

— Нет. В свое время серьезнейшей ошибкой «Современника» было обращение к классике лишь спустя восемь лет после образования театра. Это как потолок, который надо все время отодвигать вверх, понуждая к самосовершенствованию.

— **Первой премьерой будет как раз современная пьеса «Изображая жертву». Я слышал, что не все в театре приняли текст, в частности, цензурную лексику, с использованием которой написан один из монологов. Какова ваша позиция?**

— Это, несомненно, талантливое произведение. Мне дорого, что Пресняковы едва ли не первые возвратились к нравственно-жизненному анализу того, что с нами происходит. Самое важное в этой пьесе — роль милиционера, который и произносит тот самый монолог, боль за несовершенство и глупость нашей жизни. Для меня это очень серьезно — боль, то, чем театр помогает развитию души зрителей. А если бы ее не чувствовалось, закрыл бы все это к чертовой матери.

— **Через год у вас юбилей. Вы готовите какую-нибудь юбилейную роль в Художественном театре?**

— Я сыграю неделю спектаклей. Мне 70 лет будет, поэтому будет

семь спектаклей. Съезжу на родину в Саратов, сыграю эти же семь. И съезжу в Мордовию, поскольку я на одну четверть мордвин, там сыграю два спектакля, на большее меня не хватит.

— **Но ближайшая ваша новая роль — Тартюф. В прошлом сезоне вы сыграли Прибыткова в «Последней жертве» и Серебрякова в «Дяде Ване», персонажей, которых было принято изображать не самыми симпатичными людьми. Однако вы превратили их в самых надежных и деятельных из всех героев. Мольеровский святоша тоже будет положительным героем?**

— Во всяком случае, он будет человеком с понятной судьбой, а не просто нарицательным персонажем, носителем каких-то клишированных пороков. «Тартюф», кстати, на одном из французских наречий означает «гриб». У него будет подельник, с которым он пришел, может быть, с каторги. На мне даже будет татуировка. А начинаться, возможно, вообще будет с пожара в одесском публичном доме. Тартюф на старости лет устроил себе жизнь, а его хотят лишить всего. Мне важна правда жизненная.

— **В таком случае у вас еще много работы. В том смысле что есть немало героев в мировой драматургии, которые считаются злодеями и которых можно попробовать оправдать.**

— Работы много. Про Николая Пальчу Хмелева писали, что он прокурор своих ролей. Так вот я адвокат своих ролей.